

Котома-дядька

Спускается за лес солнце красное, а кровавому бою и конца не видать: не долеет сила царская, не слабеет и сила бусурманская.

Сошла на землю темная ночь — все кипит-горит кровавый бой... Поутру, на восхожем на солнышке, стряслась беда над Белым царем: он врубился в неприятельскую рать, далеко отбился от своих верных товарищей. Тут, середь силы бусурманской, пал царский конь бездыханным; окружили враги царя, великой толпой на него накинулись. Уж изрублен царский доспех, его ноги подгибаются, слабеют его руки могучие, бежит из ран горячая кровь на землю...

Не золота труба вострубила, крикнул царь из последних сил громким голосом: «Эй, слуги мои верные, неизменные товарищи! Вы спасайте меня от гибели, коли живого не выручите — не дайте хоть моего царского тела неверным на поругание!» А царское войско мнетя — испугалось: старший за среднего хоронится, средний младшим прикрывается, младший без старших вперед не идет...

Из-за тех ли темных лесов, из-за тех зеленых дубрав выезжает матерой старый витязь. Услышал он царский зов; он бил коня по крутым бедрам; конь в первый ускок сто сажень скакнул, во второй ускок — целую версту промеж ног проложил, а в третий ускок вскочил в силу бусурманскую... Как матерый дуб промеж тонкими кустами лозовыми, так богатырь середь войска бусурманского... Живет богатырь в бусурманской силе, словно острая коса в сенокос середь мягкой травы ворочается: куда на коне пройдет — там улица, где мечом махнет — переулочек, обернет коня — лежит кругом войско площадью...

Только ловки бусурмане в конном бою. И того богатыря коню не посчастливилось: лишь пробился богатырь до того места, где царь из последних сил мечом отмахивался, подкосились у коня резвые ноги, пал конь на землю — пробила его грудь бусурманская стрела. И тут матерой старик не задумался: прикрыл царя своим старым щитом, в боях изрубленным, и вывел царя живым из смертного боя. Не смели уж бусурмане к богатырю близко подойти; издали только в него с царем стрелами, словно градом, сыпали.

В царском шатре, на смертном одре спрашивает царь своего заступника: «Ты скажи мне, славный витязь, могучий богатырь: из каких ты родов, каких

городов; как тебя по имени-отчеству зовут?» Отвечает ему матерой старик: «Из твоего я, государь, царства, из крестьянского рода, а зовут меня Никанором, прозывают Котомой». Тут сказал царь Никанору Котоме: «Спасибо тебе, детинушка, что не отдал ты меня бусурманам на поругание! Правь же ты, могучий богатырь, моим царством, пока не придет в возраст сыночек мой, наследник Алмазцаревич, и до той поры будь ему дядькою. А ты, Алмаз-царевич, слушайся и почитай Котому, твоего дядьку. Будешь слушаться — счастлив будешь, а будешь ослушником — пропадешь, как муха в мороз».

Сказал так царь, и душа у него с израненным телом рассталася.

Стал жить Алмаз-царевич после смерти отца; во всем он Котому-дядьку слушается, обо всем с ним совет держит. Дошел царевич и до совершенных лет. Говорит тогда ему дядька Котома: «Пришла пора тебе, царевич, за дело браться: самому царством править. Только наперед надо тебе выбрать себе невесту. Пойди ты в большую палату — там всех царевен, твоих сверстниц, портреты развешены — г выбери, какая тебе покажется». Пошел Алмаз-царевич в большую палату, все портреты переглядел, вернулся и говорит Котоме-дядьке: «Ни одна из тех царевен мне не понравилась!» Закручинился Котома, царский дядька, запечалился. «Коли так, — говорит, — надо, значит, нам сватать Волшебную королевну, Белую Лебедь Захарьевну, — лучше ее и на свете нет. Только трудно ее высватать: хитра-мудра Белая Лебедь и силой против нее до сей поры еще никто не выстоял. А выйдет она только за того, кто над ней и разумом и силою верх возьмет. Ну, да поедем: из-за такой красоты молодцу и судьбу попытать не грех».

И поехал Алмаз-царевич с дядькой Котомой в дальние земли, в неведомые страны — сватать Волшебную королевну Лебедь Белую Захарьевну. Долго ли, коротко ли они ехали — не доезжая тысячи верст до города Лебеди Захарьевны, встречает их от нее гонец: «Слышала, — говорит, — моя госпожа, что едет к ней славный Алмаз-царевич свататься. И наказала она, чтоб дальше и ехать он не беспокоился, коли не выполнит малой задачи, не собьет отсюда шестипудовой палицей с ее терема золоченых маковок». Отвечает гонцу дядька Котома: «Скажи Белой Лебеди Захарьевне, что непристойно царскому сыну палками швыряться. А будет его воля мне, слуге его, приказать — и я, малосильный, ту задачу выполню». Поднял Котома шестипудовую палицу, словно перышко, и кинул ее; полетела палица, загудела и так тяжело ударила в терем королевны Белой Лебеди, что весь дворец зашатался, из окон стекла посыпались, а золотые маковки все прочь отлетели...

Поехал Алмаз-царевич дальше. На рубеже королевства Белой Лебеди выезжают им навстречу от нее послы, ведут жениху богатырского коня. На

том коне никто усидеть не мог: поднимается он выше леса стоячего, летит по поднебесью, а как по земле бежит — из-под копыт целые горы выметывает. Держат коня двенадцать человек на железных цепях; а конь ржет, словно труба трубит, глубоко копытом землю бьет, на волю рвется... Не знает Алмаз-царевич, как к коню и приступить. Тут подошел к коню Котома-дядька: «Кажись, конь-то плох, — говорит, — надо вперед мне попробовать: годится ли еще под царское седло». Вскочил на коня — сразу богатырский конь от земли отделяется, выше леса поднимается; что повыше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего. Котома крепко сидит, сжал коня коленями, а сам вынул из кармана чугунное полено и давай коня тем поленом между ушей осаживать. Избил одно полено — другое вынул; два избил — за третье взялся. И так донял он богатырского коня, что взмолился конь человеческим голосом: «Богатырь Котома, отпусти хоть живого на белый свет!» Отвечает коню Котома-дядька: «Слушай, собачье мясо! Сядет на тебя Алмаз-царевич — ты по самые щетки в землю подайся и под ним тяжким шагом иди, словно под непомерной тяжестью». Выслушал конь приказ и опустил на землю чуть жив, весь пеной облитый, на ногах шатается. Котома взял его за хвост, повернул вокруг себя три раза и кинул послам под ноги: «Берите назад эту падаль, — говорит, — у нас на таких клячах и навоз в поле вывозить совестятся, а вы царевичу под седло привели!..»

Послы вперед пустились, а за ними Алмаз-царевич с дядькой Котомой потихоньку поехали. Подъезжают они ко дворцу Волшебной королевны Белой Лебеди Захарьевны, а кругом того дворца на ограде все молодецкие головы насажены, всех тех женихов, что сложили на плахе свои буйные головушки, не перехитривши Белой Лебеди Захарьевны и ее не пересиливши.

Волшебная королевна Белая Лебедь Захарьевна жениха на высоком крыльце встречает, ведет в палаты белокаменные, царским пиром потчует. После пира стали гости разными играми забавляться, и говорит Белая Лебедь Алмазу-царевичу: «Давай, женишок, с тобой силой меряться: будем стрелять в цель из моего лука». Царевич согласился, и внесли королевнин лук: двенадцать человек лук несут, сгибаются, да двенадцать колчан тащат, надрываются. Белая Лебедь Захарьевна взяла лук левой рукой, правой тетиву натянула — визгнула стрела, загудела, пробилась насквозь кряковистый дуб в три обхвата и вошла в землю на целую сажень.

А дядька Котома на тот случай догадлив был: надел на себя шапку-невидимку и подошел к луку за спиной Алмаза-царевича. Царевич к луку руку протянул, а дядька лук поднял; царевич за тетиву взялся, а дядька ее натянул. Завыла стрела, заревела, словно буря на море, пробилась насквозь семисаженный

камень и улетела вдаль еще за сто верст. Там попала стрела в Никиту Бегуна и отбила ему обе руки по самые плечи.

Закричал богатырь Никита Бегун громким голосом: «Ох ты, гой еси, славный витязь Никанор Котома! Отстрелил ты мне мои руки по плечи; да и тебе самому беды не миновать!...»

Волшебная королева Лебедь Белая Захарьевна силе Алмаза-царевича дивилась и такие речи ему молвила: «Хорошо ты, удалой витязь, из лука стреляешь; давай теперь по-другому силу пробовать: станем друг друга, за палку взявшись, перетягивать». Принесли железную палицу в пятнадцать пуд. Королева схватилась за края; а царевич только за середину одной рукой взялся — согнулась палица и переломилась надвое, словно щепка гнилая, потому что дядька Котома, невидимкою, рядом с царевичевой рукой взявшись, палицу дернул.

Говорит после этого Белая Лебедь Захарьевна Алмазу-царевичу: «Силен ты, добрый молодец, силою; в ратном деле мне против тебя, богатырь, не выстоять. Посмотрю теперь: каков ты разумом. Выполни на завтра мне такую задачу: будет у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись ты, да принеси к моему неизвестному свое под парю. Не исполнишь — готовь шею под острый топор, и торчать твоей голове вместе с другими на частоколе...»

Закручинился царевич, запечалился, повесил буйную голову ниже могучих плеч; а дядька Котома говорит ему на ухо тихим голосом: «Ничего, Алмаз-царевич, ступай в свои покои спать: утро вечера мудренее!»

Царевич ушел к себе, а дядька Котома надел шапку-невидимку, вошел прямо в опочивальню Белой Лебеди Захарьевны и слушает. Стала Белая Лебедь Захарьевна приказывать своей любимой служанке: «Возьми ты шелку, бархату да разных самоцветных камней, и снеси их башмачнику: пусть сделает мне к утру башмак на левую ногу».

Служанка пошла, а за ней невидимкой дядька Котома. Стал башмачник по приказу королевы делать ей башмак на левую ножку, а Котома тут же сидит и из того же материала работает башмачок — на правую.

Где башмачник камень посадит — тут и Котома такой же укрепит.

На заре на утренней разбудил Котома Алмаза-царевича: «Вот тебе, — говорит, — башмак, первая королевнина задача». Вскоро прислала королева Белая Лебедь Захарьевна за царевичем звать его в большую залу. Вошел он туда, а там собрано народу видимо-невидимо, все бояре, вельможи, люди думные. Королева со своего места встала, вперед вышла и показывает

башмачок, а сама глядит на царевича, усмехается. «Эх, — говорит Алмаз-царевич, — хорош башмак, да один — никуда не годится! Видно надо тебе пару подарить». И с тем словом, вынувши из кармана, подал ей башмачок на правую ногу, весь жемчугом и дорогими камнями вышитый. Тут все гости с кресел повскакали, в один голос закричали: «Ай да царевич, хорошо отгадал! Достоин жениться на королевне Белой Лебеди Захарьевне!» А она отвечает: «Поглядим: как еще он другую задачу исполнит. Покажу я тебе, царевич, завтра травку; скажи мне: с какого она корешка».

Пошел Алмаз-царевич в свои покои, рассказал дядьке Котоме про новую королевнину задачу, и говорит ему Котома: «Не печалься, царевич; пируй с королевной, а вечером ложись спокойно спать. Утро вечера мудренее».

Вечером, как ушла к себе в покои Белая Лебедь Захарьевна — за ней невидимкою и дядька Котома пробрался. Она приказала заложить себе карету, села в нее, поехала, а дядька Котома на запятки вскочил. Долго ли, коротко ли ехала карета и остановилась у морского берега. Вышла Белая Лебедь и стала вызывать своего дедушку. Раз кликнула, другой позвала, на третий — синее море всколыхалось, волна на берег плеснулась, а с ней поднялся из воды старый дед — борода у него ниже колена и вся серебряная. Вышел он на берег: «Здравствуй, — говорит, — внучка. Что давно не навещала?» «Все случая, дедушка, не было. Приляг-ка, давай я тебе бороду расчесу: ишь, как спуталась». Положил дед голову на колени к Белой Лебеди Захарьевне и задремал сладким сном; она у него потихоньку бороду разбирает, а дядька Котома у нее за плечом стоит... Намотала королевна на палец три серебряных волоска из бороды, дернула и выдернула. «Ой, что ты: ведь больно!» — закричал дед. «Прости, дедушка, давно тебя не чесала: все волоса перепутались». Дед почесался и заснул опять. Только было принялась Белая Лебедь его бороду распутывать, а дядька Котома как ухватится за бороду, да как дернет — чуть не вся она у него в руке и осталась... Страшно вскрикнул дед, подпрыгнул, словно ужаленный, и кинулся в море. Королевна села в карету и уехала домой.

Наутро собралось к королевне в большую залу народу видимо-невидимо: все князья, генералы, бояре, люди думные. Вошел и Алмаз-царевич. «Ну-ка, любезный друг, — говорит ему Белая Лебедь Захарьевна, — скажи мне: от какого корня эта травка?» И показала ему три серебряных волоска из бороды морского деда. А он ей: «Эка невидаль; вот он весь корень от твоей травки». И вытащил из кармана всю дедову бороду, которую ему дядька Котома поутру отдал.

После того нельзя уж было Волшебной королевне Белой Лебеди Захарьевне отговариваться, надо было выходить замуж за Алмаза-царевича... Ужи веселая же была свадьба: три дня, три ночи народ без просыпу пьянствовал, три дня кабаки-трактиры стояли отворены — кто хошь приходи, ешь-пей безданно, беспошлинно...

Как ехать к венцу, подвели Алмазу-царевичу того коня богатырского, которого дядька Котома чугунными поленьями вышколил. Помнит зверь приказ: наложил на него царевич руку — конь весь согнулся; сел на него царевич — конь по щетки в землю ушел; а как сняли с коня двенадцать железных цепей — стал выступать конь ровным, тяжелым шагом и с самого пот градом катится... «Экой богатырь Алмаз-царевич!» — говорит народ.

После свадьбы, вечером, научает дядька Котома своего питомца: «Слушай, царевич! Будет тебе от жены твоей, Белой Лебеди, еще последнее испытание: как останетесь вы вдвоем в горнице и потушите огонь — она наложит на тебя руку, чтоб тебя испытать. Ты того не жди: тебе ее могучей руки не выдержать, — а лучше, потушивши огонь, скорей за дверь выскочи да меня впусти: я-то с ней справлюсь». Так все и случилось: положила Белая Лебедь руку на дядькино плечо — дядька Котома не шелохнулся; взял он ее за белую руку — сразу ее рука затрещала, из-под ногтей кровь брызнула, и взмолилась Белая Лебедь Захарьевна: «Не пытай меня, богоданный муж: с сей поры я тебе во всем покорна буду, буду тебя любить-уважать...» Дядька Котома потихоньку вышел, а на свое место Алмаза-царевича впустил.

Стал царевич жить с женой в веселье да радости. По времени узнала Белая Лебедь Захарьевна Котому-дядьку, заметила его богатырскую силу, и вспало королевне на мысль: «Не помогал ли дядька царевичу?» Следит она за дядькой, времени дожидается. Пришло время, напал на дядьку Котому непробудный богатырский сон на двенадцать ден. Только того Белой Лебеди и надобно было: дождалась она ночи, вскочила в карету и поскакала на морской берег выкликать своего дедушку. Кликнула раз, кликнула другой, на третий зашумело сине море, всколыхнулося, на берег волны всплеснулись, а из них поднялся морской дед — половины бороды у него нет — и закричал сердитым голосом: «Чего тебе, Лебедь, здесь надобно? Теперь ты не наша с той поры, как покорила тебя русский богатырь, Котома-дядька, своей силой и хитростью, да за своего питомца, Алмаза-царевича, замуж выдал». И ушел назад дед в подводное царство.

Королевна Лебедь Белая назад спешно ворочается и говорит своему мужу Алмазу-царевичу: «Довольно, муженек, мы здесь пожили; поедem в твое царство: твое житье поглядим». «А как же Котому, моего дядьку верного,

неужели здесь оставим?» «Чего же оставлять: пусть его на особую телегу положат и за нами везут, пока не пробудится он от своего богатырского сна», — отвечает мужу Лебедь Белая Захарьевна.

Ой вы темные леса, дремучие, вы дубравы непроглядные! Посреди тех лесов, в глуби тех дубрав, на высоком пне сидит богатырь Котома один-одинешенек. По колена у Котомы ноги отрублены... Как заехал царский поезд в лесную глушь — там велела Белая Лебедь Захарьевна своим слугам положить богатыря на землю и отрубить ему ноги, чтобы погиб он в тяжких муках за то, что перемудрил ее, осилил и за Алмаза-царевича замуж выдал. А мужа своего приказала привязать на веревке к своей карете, чтоб сзади бежал. Потом повернула назад и поехала в свое королевство...

Через двенадцать дней проснулся богатырь Котома от своего непробудного сна, опомнился и тяжело запечалился: что без ног делать? Приходится помирать голодной смертью. Кое-как дополз он до высокого пня и взобрался на него...

День сидит на пне безногий Котома, другой сидит, сидит и третий — все не пивши, не евши. Вдруг зашумело в лесу, загудела земля — бежит по лесу сильномогучий богатырь Никита Бегун. По локти у Никиты руки отстрелены... Увидал он безногого Котому на пне и вымолвил: «Знал я, что не миновать тебе, богатырь Котома, беды от королевы Белой Лебеди, и о том кричал я тебе, когда отстрелил ты стрелой из ее лука обе мои руки». Отвечает ему богатырь Котома: «Сам знаешь, Никита Бегун: не нарочно я попал в тебя. Не держи на меня злобу: оба мы теперь в несчастий, давай помогать друг другу. Ты без рук — зато с быстрыми ногами, я без ног — зато есть у меня руки сильные. Бери меня к себе на плечи, и будет тогда из нас обоих один целый человек: добудем себе пропитание».

Согласился богатырь Никита Бегун, посадил Никанора Котому себе на плечи и стали они жить; выстроили себе в дремучем лесу избу, ловили себе на пропитание диких зверей — Бегун догонит, Котома задушит, — тем и живы были.

Так-то прожили безногий и безрукий богатыри в лесу немалое время. Раз случилось им уйти далеко-далеко от дому, и застигла их ночь среди дремучего бора в такой трущобе, куда и птица не залетывала и зверь не зарыскивал. Устал Никита Бегун нести на себе Котому, совсем измучился и говорит: «Остановимся, брат, ночевать». А Котома ему: «Погоди, брат; сейчас, должно быть, до жилья дойдем — недалеко сквозь деревья огонек виден». Прошли еще

немного и увидели посреди поляны избушку. Отворили дверь, вошли. Сидит в избушке девица неописанной красоты — только бледная, что воск, — и прядет.

«Здравствуй, красавица, — говорит ей Котома. — Приюти нас, убогих, в темную ночь». Отвечает ему красная девица: «Рада бы радостью, да не моя воля. Живет здесь Баба-Яга, костяная нога. Теперь она на добычу уехала, а вернется утром — вас не помилует». «Не бойся, девица, — отвечает Котома-богатырь, — мы с Ягой еще потягаемся. А ты кто такая будешь?» «Я, — говорит девица, — царская дочь. Унесла меня Баба-Яга от отца с матерью, держит при себе и пьет мою кровь горячую; уж она много девушек так погубила, скоро и моя смерть придет — видите, какая я худая да бледная...»

Переночевали Никита Бегун с Никанором Котомой в избушке, а наутро говорят царской дочери: «Хочешь, царевна, с нами идти, от Бабы-Яги избавиться?» «Все равно она догонит: тогда и вам беды не миновать». «А вот, мы сами подождем ее здесь, — говорит Котома. — Ну-ка, брат Никита Бегун, вынеси меня наружу да посади под окном, потом сам под лавку забейся; а ты, царевна, как придет Яга да прикажет ей волосы расчесывать, у окна на лавке садись. Сама ей седые космы чеши да по прядке, все по прядке мне за окно спускай. Я ее и сцапаю».

Застучало в лесу, загремело, застонала мать-сыра земля, деревья долу преклонились: подъезжает Баба-Яга, костяная нога; в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает... Вошла в избу: «Фу-фу-фу! — говорит. — Что это русской костью пахнет?» «Это ты, бабушка, по Руси летала, человеческого духа набралась!» — отвечает царевна. А Баба-Яга ей: «Ну-ка садись, почеши мне правой рукой волосы, а левую сюда давай: хочу человеческой крови попить — устала я нынче что-то» Положила Баба-Яга голову на колени к царевне, стала сосать ее кровь горячую — да и задремала. Тут Никита Бегун догадлив был: выскочил из-под лавки и навалился на Бабу-Ягу, словно гора каменная. Заметалась Баба-Яга, хочет вырваться — да не тут-то было: Котома, крепко ее за косы держит... Сколько ни билась, сколько ни рвалась Яга, пришлось покориться: «Отпустите меня, сильномогучие богатыри: какой хотите выкуп за себя дам». Отвечает Котома-богатырь: «Вот сейчас, разведем большой костер, сожжем тебя, проклятую, и пепел твой по ветру пустим, чтоб ты по белому свету не бродила, людскую кровь не пила». Еще пуще взмолилась Баба-Яга: «Батюшки, голубчики, что угодно, все вам сделаю!» «Хорошо, — говорит Котома, — покажи ты нам, ведьма, ключ с живой водой».

Сел безногий Котома на безрукого Бегуна, ухватил Бабу-Ягу за косы, и повела их Баба-Яга по лесным трющобам. Водила-водила и остановилась у родника:

«Вот, — говорит, — ключ с живой водой». Никита Бегун хотел было уж в воду окунуться. «Нет, — говорит ему старый богатырь Котома-дядька, — подожди, брат, чтоб не дать маху. Коли теперь нас обманет Яга-Баба, вовек не поправимся». И кинул в родник зеленую ветку с дерева. Не успела ветка и до воды долететь — вся огнем вспыхнула. «Э, да ты еще и на обман пошла!» Схватили богатыри Бабу-Ягу, хотят кинуть ее, проклятую, в огненный ключ. Пуще прежнего взмолилась Баба-Яга, дает клятву великую — землю ест, — что доведет богатырей до хорошей воды.

Опять пошли они дремучим бором, все трущобами лесными, и привела их Яга к другому ключу. Котома отломил от дерева сухой сучок, бросил в родник — не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвел. «Вот это хорошая вода», — сказал Котома-дядька, опустил безрукого в воду, и вмиг выросли у него руки; потом окунулся сам и вышел на землю с ногами — еще лучше прежних ноги выросли. Обрадовались богатыри несказанно и на радостях отпустили Бабу-Ягу живой, взявши с нее крепкий зарок, клятву великую, что уйдет она из тех мест за тридевять земель в тридесятое царство, что и ноги ее на православной земле до скончания века не будет.

После того пошли богатыри в избушку Бабы-Яги, взяли оттуда царскую дочь и вернулись с нею в свой дом. «Теперь, — говорит Котома-богатырь, — пойду я выручать моего Алмаза-царевича. Что-то с ним делается?» «И я с тобой, — говорит Никита Бегун. — Может пригожусь». Одной царевне нельзя в лесу оставаться: посадил ее Бегун на плечо, и пошли они. Подходят они к стольному городу Волшебной королевы Белой Лебеди Захарьевны и попадается им навстречу пастух — черный, грязный, весь оборванный; гонит стадо свиней. «Куда пастух, стадо гонишь?» — спрашивает его Котома-дядька. Отвечает свиной пастух: «Гоню на королевский двор; проверит королева: все ли свиньи целы, и прикажет мне отпустить сухую корку хлеба да десять палок в спину». «За что ж такая немилость?» — «А за то, что был я королевниным мужем, да видно не такой муж моей жене надобен». «Ах, Алмаз-царевич, — говорит Котома-дядька, — да неужели это ты?» «Был Алмаз-царевич, теперь свинопасом стал. А ты кто?» — «Да кому ж быть, кроме твоего верного дядьки Котомы». Обнялись они, поцеловались и пошел Котома с царевичем во дворец.

Еще далеко до дворца они не дошли, а королева Лебедь Белая уж их заприметила. «Эй, — кричит, — привести ко мне сейчас моего свиного пастуха! Я его научу, как дело не делать, а со всякими бродягами шлаться...» Алмаз-царевич идет с Котомой-дядькой, не упирается. Подошли к королеве. Только было хотела она крикнуть, чтоб взяли их слуги и отсчитали бы им по

сту палок — да взглянула на Котому и обомлела. Стоит перед ней богатырь Котома живой, здоровый; смотрит на нее и усмехается: «Ну, волшебная красота, Лебедь Белая Захарьевна, Морского деда внучка! Видно, пришло время нам с тобой посчитаться и за то, что ты мне, сонному, ноги отрубила да в лесу диким зверям на съедение бросила, и за то, что ты питомца моего, а твоего законного мужа, в свиных пастухах держала да палками потчевала...»

Тут Белая Лебедь Захарьевна насмерть испугалась; крикнула Лебедь громким голосом: «Ох ты, гой еси, родимый мой дедушка, славный царь, Морской дед! Не дай ты меня Котоме-богатырю в обиду, избавь от лютой смерти!» Лишь те слова она вымолвила, вдруг дунул ветер с полуночи, завывала-заревела буря; откуда ни возмись, налетел Морской дед, подхватил Лебедь и унес с собой в морскую пучину.

Только Волшебную королевну Лебедь Белую Захарьевну на земле и видели. Ее королевство досталось Алмазу-царевичу. Как женился он на царевне, которую Котома с Бегуном от Бабы-Яги выручили, ее отца царство тоже к нему перешло, и стал он самым сильным царем на всем белом свете, потому что могучие богатыри Никанор Котома да Никита Бегун до самой его смерти при нем были и во всем ему помогали.

А куда после его смерти они девались и где сейчас живут — не знаю. Было то давным-давно — а может, еще и никогда того не было — не мудрено и забыть.